

Посвящается Кэндис

Ты *непременно* поедешь на бал!

Давным-давно, еще до того, как мальчики сложили голову на поле брани, а автомобилей стало больше, чем лошадей, и в поместьях Апли и Бичвуд исчезли слуги-мужчины, так что приходилось довольствоваться всего лишь поварихой и горничной, семейство Шерингем владело не только четверкой лошадей, стоявших в отдельных стойлах на конюшне, но и поистине великолепным чистокровным скакуном по имени Фанданго. Этого коня содержали в специальной конюшне близ Ньюбери. Он еще ни разу ни черта не выиграл, но все же служил для семьи как бы некоей индульгенцией, ибо в нем воплощалась надежда на триумфальную победу на традиционных скачках Южной Англии. Согласно договору, мать и отец —

которых Пол называл довольно странно: «мои показушники», — владели головой и телом Фанданго, а троим сыновьям, Дику, Фредди и Полу, досталось по ноге.

«А четвертая нога?» — спросите вы. «О, четвертая нога... В том-то все и дело!»

Собственно говоря, бóльшую часть времени Фанданго было для мальчиков просто именем лошади, которую они даже никогда не видели, но знали, что ее содержат в дорогой конюшне и она, по слухам, прекрасно обьезжена. Фанданго продали в 1915-м — Полу тогда как раз исполнилось пятнадцать. «Это было еще до того, как в моей жизни появилась ты, Джей». Но однажды ранним июньским утром — это тоже случилось давным-давно — они всей семьей отправились в довольно странное, показавшееся Полу почти безумным, путешествие с одной-единственной целью: просто полюбоваться своим замечательным скакуном Фанданго и тем, как он галопом носит-

ся по безлесным холмам Сассекса. Все они — то есть мать, отец, Дик, Фредди и Пол — стояли у ограды, глядя, как табун лошадей с громоподобным топотом летит прямо на них, потом вдруг резко сворачивает и молнией пролетает мимо. И — кто знает? — возможно, там, у ограды, вместе с ними стоял и еще кто-то, неведомый и невидимый, но тоже из числа заинтересованных лиц. Тот, кому на самом деле и принадлежала четвертая нога Фанданго.

Ее-то ногой тогда точно владел Пол.

Лишь в те мгновения, когда он рассказывал ей об этой поездке, его глаза заволакивала некая туманная пелена, весьма похожая на слезы. И она отчетливо представляла (эти видения не оставят ее и в девяносто лет), что и ей тогда неким чудесным образом удалось поехать вместе с Полом, и они стояли рядом у ограды и смотрели, как Фанданго проносится мимо, расшвыривая копытами землю и

12 *Грэм Свифт*

сбивая с травы росу. В реальной жизни ей, разумеется, никогда ничего подобного видеть не доводилось, но она легко могла все это себе представить, причем очень отчетливо. Она представляла себе всходящее солнце, красным диском повисшее над серыми холмами, хрусткий от ночного холода воздух и Пола, который угощал ее чем-то из фляжки с серебряной крышечкой, висевшей у него на бедре, и, не особенно скрываясь, лапал ее за задницу.

А сейчас она смотрела, как он бродит туда-сюда по залитой солнечным светом комнате абсолютно голый, если не считать серебряного перстня с печаткой. Она и впоследствии без энтузиазма будет воспринимать слово «жеребец» применительно к мужчинам — и уже тем более не станет охотно этим словом пользоваться. Хотя к Полу-то как раз это слово подходило идеально. Ему было двадцать три, а ей — двадцать два. К нему, пожалуй, еще

неплохо подошло бы и слово «породистый», но она тогда подобной терминологией еще не пользовалась и знала только слово «жеребец». Ей тогда еще очень многие слова известны не были. А «породистым» его можно было назвать потому, что в таких семьях, как у него, на первом месте всегда были «порода», «происхождение», а также хорошее воспитание и образование. Хотя реальная цель этого воспитания и образования была не так уж и важна.

Итак, был март 1924 года. Не июнь. Хотя денек и выдался совершенно июньский. И уже, наверное, перевалило за полдень. И окна были распахнуты настежь, и Пол, абсолютно голый, ходил по комнате, залитой солнечным светом, с той же уверенной беспечностью, с какой это делал бы крупный, сильный зверь, не знакомый с одеждой. Это ведь его комната, не так ли? А значит, здесь он может делать все, что ему заблагорас-

судится. И она не сомневалась, что это именно так. Просто она никогда раньше в его комнате не бывала и, наверное, никогда больше здесь не окажется.

Но сейчас она лежала на его постели тоже совершенно голая.

Итак, это случилось 30 марта 1924 года. Давным-давно. Кружевная тень от кованой оконной решетки, похожая на тень листвы, скользила по телу Пола. Он взял с маленького туалетного столика портсигар, зажигалку и маленькую серебряную пепельницу, а когда он снова повернулся к ней, луч солнца высветил в зарослях темных волос внизу живота его бессильно обвисший сейчас член и яйца, похожие на полупустые, немного липкие мешочки. И она могла сколько угодно на все это смотреть, и он совсем даже не возражал.

Впрочем, и он мог сколько угодно смотреть на нее, обнаженную, раскинувшуюся на постели. На ней сейчас были только дешевенькие серьги — ее един-

ственная пара. Она даже простыней не прикрылась. Мало того, еще и руки за голову закинула, чтобы ей было удобнее смотреть на него, голого. И пусть он тоже на нее смотрит, если хочет. Выражение ее лица словно говорило: «Смотри сколько влезет, наслаждайся!» С некоторых пор у нее довольно часто на лице было написано нечто подобное. «Смотри сколько влезет, наслаждайся!»

А за окнами особняка в блаженной неге раскинулся Йоркшир, окутанный ярко-зеленой дымкой распускающейся листвы и насквозь пронизанный звонким птичьим пением — такой вот благословенный, совершенно июньский денек выдался в марте 1924 года.

Интерес к лошадям у Пола все еще не остыл. То есть он по-прежнему бросал деньги на ветер ради того, чтобы всего лишь полюбоваться породистыми лошадьми. Это был его вариант «экономии» — бросать деньги на ветер. Ведь он